

ЦВЕТНЫЕ СНЫ ХУДОЖНИКА

В Москве, в Выставочном зале Союза художников на Беговой, открылась выставка известного художника театра и кино Александра Боима, на которой представлены его живописные, графические работы, эскизы декораций к фильмам «Город мастеров», «Дворянское гнездо», «Сталкер», «Слезы капали», эскизы костюмов и декораций к театральным постановкам.

Наконец-то состоялась персональная выставка Александра Боима, которую мы все ждали давно, надеясь увидеть то, что не выставлялось и лежало в мастерской.

Всю жизнь свою, со времени поступления в Московскую среднюю художественную школу, я предвкушал радость от встречи с работами художника. Для меня эти встречи носили сугубо личный характер.

Я был буквально остановлен висевшими на стене этюдами лодок в коридоре МСХШ, куда я собирался поступать. Эти маленькие вещи, написанные взрослой и твердой рукой художника, разительно отличались от весьма банальных работ учащих школы. В них были свет и свобода — качества, всегда отличающие хорошую живопись.

С той поры прошло много лет. Были годы учебы в институте, где на одном из просмотров появились невероятные по красоте эскизы Боима к «Подпоручику Кижю». Я испытал нечто подобное шоку от легкости и изысканности письма, от того явного удовольствия, с которым были написаны эти работы.

Была поездка в Гурзуф, еще дикий и некурортный, с остатками татарской архитектуры, улочками без тени и ежедневными беседами о живописи. Как сейчас, помню наши вечерние «просмотры» сделанных за день холстов. До сих пор у меня перед гла-

зами большой этюд Боима, удивительно простой и ясный: между двух стен домов пятно моря. Больше ничего.

Была Перловка, где мы все отчаянно занимались живописью. Спорили и тут же соглашались друг с другом. Боим был метром, и это признавалось всеми. Шел 1960 год.

Помню его диплом, написанный свободно, не по-вгиговски. И всегда во всем, что делает Боим, полное отсутствие доктринерства, той схоластики, которая так губит современных художников. Безошибочный художественный вкус всегда выводит Боима к самому себе, помогая двигаться между Сциллой и Харибдой течений и направлений.

Александр Боим — живописец. Это значит, что все его вкусы и пристрастия, pomysлы и мировоззрение исходят из самого простого и сложного — цвета.

Когда-то мы смеялись: Боим описывал увиденный им черно-белый фильм так, как будто увидел его цветным. Послушайте, как он говорит о живописи, как точно ставятся им задачи, с каким аппетитом произносятся им профессиональные слова!

Судьбе было угодно связать Александра Боима с кинематографом. Споры нет, он

замечательный художник кино. Его эрудиция и вкус, острый ум, подлинная, столь редкая в среде кинематографистов культура снискали ему популярность самой высокой пробы. Но как жаль, что время, проведенное на студиях, в павильонах или в кругу друзей — режиссеров и операторов, не было отдано живописи, тому дару, которым он наделен от Бога.

Театр не обошел Боима вниманием. В театре он раскован, свободен в фантазии и остроумии. Его эскизы красивы и неожиданны, но для меня они скорее кусочки той живописи, которая не нуждается в смежных искусствах, — живописи, существующей сама по себе, вызывающей восхищение и восторг.

Прошло более тридцати пяти лет со дня моей первой встречи с Боимом. За эти годы каждый из нас делал свое дело по мере сил и возможностей. Но все эти годы я знал, что рядом работает настоящий художник, работы которого ждут своего часа, чтобы доставить радость и наслаждение тем, кто любит живопись.

Валерий ЛЕВЕНТАЛЬ.